

Западные паломничества в Иерусалим до крестовых походов.

Шупляк С. П. БГУ

Список главных целей посещения западных пилигримов, того, что называлось «великими паломничествами» – peregrinationes maiores, состоял из двух городов – Рима и Иерусалима, о чем говорят все каноны peregrinationis. Подавляющее большинство северо-западных и в особенности французских также упоминают святого Якова Компостельского. По всей Западной Европе пользуется огромным вниманием «святейшее, бесценное»[1] тело официального основателя западного монашества, св. Бенедикта Нурсийского, а в заальпийских кругах – его фактического инициатора, св. Мартина Турского. За этим списком, можно было бы указать десятки очень авторитетных и сотни авторитетных очагов, носивших уже скорее местный характер, только по каким-нибудь специальным причинам в отдельные периоды привлекавшие путников издалека. Среди разнообразия мотивов, побуждавших к паломничеству, можно выделить следующие:

1. Попытка пережить мистическое чувство экзальтации, увидев святыню.
 2. Культ героев и их могил, особенно времен раннего христианства, останков и ценностей, в которых находится святая сила.
 3. Приобретение реликвий-фетишей, которые помогают, лечат, спасают и т. д.
 4. Осмысливая свою греховность, чувствуя «страх божий» и надежду на спасение, стремление компенсировать нарушения в исполнении религиозных правил и заветов на родине.
 5. Желание наследовать подвижнический тип жизни Христа и апостолов.
 6. Стремление отплатить Богу за что-то (по принципу: Бог мне – поправление здоровья, а Ему – паломничество).[2]
 7. Набожный интерес к стране, в которой протекала земная жизнь Спасителя.
 8. Желание убедиться в истинности Писания и переубедить лживые домыслы и слухи о Святой земле.
- Эсхатологические представления придавали особый смысл путешествию в Иерусалим, представляя его, как аллегория познания и открытия.[3]

Насколько часты и многочисленны были странствия «с западных берегов», видно из того, что в результате этих странствий, уже примерно в III веке, сложился очень твердый маршрут в Палестину. Его изложил неизвестный паломник из Бордо, в своем дорожнике, получивший имя «Путь из Бордо в Иерусалим».[4]

Ранний поток паломничеств был прерван в 637 году, когда арабский военачальник Омар овладел Иерусалимом. С половины VII века арабское господство уже угрожало Европе. «Неодолимая сила влекла арабов на Запад, и сила эта сломилась только у Константинополя в 718 году», перед ополчениями Льва III и у Пуатье в 732 году, перед конницей Карла Мартелла.[5] Однако, даже в VII веке, движение западных пилигримов, внезапно и резко замедлившись, не замерло окончательно. Поддерживая традицию Григория Великого, папы продолжали слать милостыни заморским христианам. Относительно долгим было влияние на оживление паломничеств, господство Каролингов. С 800 года император Карл Великий стал официальным патроном Палестины, получив в виде почетного дара ключи св. гроба и знамя города Иерусалима. Возобновляется движение посольств, грамот, милостынь. С ними ширится и поток паломничеств. Обращение к христианству принца Венгрии в тысячном году устранило опасности на пути паломников в Иерусалим.[6] Теперь же они могли воспользоваться более безопасной дорогой.

В последующие годы, особенно после разрушения Гроба Господня, Иерусалим наряду с Римом и Сантьяго-де-Компостело стал одним из главных мест паломничества христиан.

В самой Палестине владычество арабов утратило свой враждебный христианству облик. Раны, нанесенные ему 11 годами (1009 – 1020) террора, поднятым ал-Хакимом (жестокие гонения христиан), были залечены с новым поворотом политики халифа, ставшей более терпимой к иноверцам.[7] Однако, эти годы положили конец латинскому протекторату над святой землей. Наследство Каролингов, потерявших престиж на самом Западе, подбирала окрепшая с победами Никифора II и Иоанна I Восточная империя. Греческие императоры возвращают христианству Кипр и Антиохию, Эдессу, Кесарию и Назарет. Во всяком случае, события наносившие урон самолюбию западного священства, не отразилось прямо на западных паломничествах. Соперничество

греческой и латинской церковью стало неблагоприятно ощущаться пилигримами только в годы, последовавшие за их официальным разрывом (1054).[8]

Само восприятие паломничества носило мистический характер. Иерусалим не только отличался от других мест паломничества, но отличался также в самом характере совершаемого путешествия. Странствия как бы являлись имитацией страстей Христовых. Опасности, подстерегаемые на их пути, принимались как участие в его страданиях. Грабители, в чьи руки попадали пилигримы, уподоблялись римским солдатам, которые раздевали Христа и делили одежду между собой. Эти случаи, являлись необходимой частью повествования о деяниях, если этот святой претендовал на канонизацию, и совершил паломничество в Иерусалим. Такое паломничество являлось доказательством того, что святой был идеалом аскетизма и настойчивости.[9]

Снаряжение пилигрима в средневековье обязательно должно было состоять из мешка и посоха – *pergam et baculum*, утешение и знак странствия.[10] Предание о Карле Великом очень дорожило в нем образом паломника, и в его житии с почтением рассказано, как в обряде его погребения сверх его императорского одеяния положен был золотой мешок, который он обычно носил во время странствий. Простой путник нес такой мешок на веревке за плечами, более знатный вешал его на перевязь сбоку, и шарф, опоясывающий его через плечо или по талии, становился третьим знаком странников. Эти знаки они получали от приходского священника своей церкви, и возможно там же велись списки паломников, вышедших из данной церкви.

Перед паломничеством, будущий странник должен был очиститься от грехов. Об этом писалось в книге Откровения: «И не войдет в него (Иерусалим) ничто нечистое, и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни»(21:27). Поэтому перед тем, как совершить паломничество, ему рекомендовалось раздать все, что он покупал за деньги. [11]

Паломник в Иерусалиме должен был посетить все святы места, а заканчивал свой маршрут, после того как искупался в реке Иордан. В этом он тоже следовал примеру Христа.

Особое желание совершить паломничество вызывала идея конца света, особенно после тысячного года.

Рауль Глабер в своем повествовании, апогеем «святых путешествий» называет 1033 год, когда исполнилась тысяча лет Распятию Христову. Этим он

подчеркивает особый смысл паломничества: подготовка к смерти и обещание спасения. «Со всех уголков земли толпы людей устремились в Иерусалим к Гробу Господню; еще незадолго до того никому и в голову бы не пришло подобное. Сначала толпы эти состояли в основном из людей неимущих, затем – из людей с достатком; потом в путь отправились гранды, короли, графы, прелаты, и – совсем невиданное ранее – женщины, от самых знатных до самых бедных. Большая часть паломников желала умереть в пути».[12]

Рауль Глабер усматривает неоспоримую связь между мистическим порывом к Богу, благодаря которому люди устремяются на Восток, в те места, где был распят Христос, и приближением конца света. За этим он усматривал, верным знаком скорого явления в мир Антихриста, а значит, и конца. Значит и народ устремляется к Востоку, потому что все они должны выйти ему навстречу, и тогда сбудется пророчество Господа, и воздаст Высший судия по делам их[13].

С того момента, как паломник получал официальное благословение церкви, он становился особой священной, защищенной церковными законами. Посягнувший на жизнь и свободу пилигрима подлежал анафеме, судебные претензии к паломнику не имеют силы или передаются в церковный суд. В постановлениях городских цехов, – например в парижских статутах – многочисленные льготы и отсрочки в выполнении цеховых обязательств даются тем членам цехов, подмастерьям, рабочим и ученикам, которые «собираются за море».[14]

Имущество, оставленное паломником на родине, так же, как и его семья, считались под особой защитой церкви и короля. Таким образом, паломники выделялись в некую привилегированную общественную группу. Однако скоро сама церковь станет устанавливать ограничения широких привилегий паломников, в виду многих злоупотреблений.

При всем развитии благотворительной помощи паломникам, деятельности братств и монастырского гостеприимства – эти далекие странствия были тяжелым и дорогим предприятием. Отправляясь в путь, дальновидные паломники запасались золотом, которое брали под заклад у евреев или у богатых монастырей. Но беднякам нечего было закладывать и продавать. Они шли без расчета и массами гибли в пути. Путешествие в период раннего средневековья были опасным и длительным предприятием. Опасным, – ибо разбойники были почти неотъемлемым признаком большой дороги.

Длительным, – ибо средства передвижения были не в лучшем состоянии, чем пути.[15]

В эпоху крестовых походов индивидуальные странствия все больше теряются на фоне огромных коллективных предприятий, в которых вместе с пилигримами движутся купцы и товары, по пути завязываются торговые связи и возникают колонии и рынки.

Литература.

1. Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. – Петербург: 1924. – с.42
2. Гаранін С.Л. Шляхамі даўніх вандраванняў. - Минск: 1999. – с.12
3. Гаранін С.Л. Шляхамі даўніх вандраванняў. - Минск: 1999. – с.13
4. Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. – Петербург: 1924. – с.22
5. Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. – Петербург: 1924. – с.22
6. Дюби Ж. Тысячный год от Рождества Христова - М.: 1997. – с.187
7. Крывелев И. А. История религий – М.: 1976. Т.2 – с.57
8. Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. – Петербург: 1924. – с.38
9. Bredero A. H. Christendom and Christianity in the Middle Ages. - Michigan: 1994. – p.99
10. Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. – Петербург: 1924. – с.61
11. Bredero A. H. Christendom and Christianity in the Middle Ages. - Michigan: 1994. – p.86
12. Дюби Ж. Тысячный год от Рождества Христова - М.: 1997. – с.190
13. Дюби Ж. Тысячный год от Рождества Христова - М.: 1997. – с.191
14. Добиаш-Рождественская О. А. Западные паломничества в средние века. – Петербург: 1924. – с.65
15. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: 1984. - с.56